

Глава 10. Сяо Бай, ты превратился в собаку

Когда-то Гуанлин был сильнейшим бессмертным родом на всём Северном Водном континенте и владел самой могущественной духовной жилой. Даже запечатанный в долине Тяньбэй, Фу Линцзюнь продолжал повышать свою культивацию с пугающей быстротой.

Но чем выше поднималась его сила, тем сильнее повреждённую душу начинали разъедать бесконечные злобные духи, переплетённые в самой долине.

Сегодня было именно так.

Во время практики Фу Линцзюнь внезапно почувствовал нарастающее раздражение, а голову тут же словно разорвало болью изнутри. Сначала из рукава скользнула бледная, как нефрит, рука и прижала висок, а затем тело, опережая мысли, само повело его к другой стороне ущелья.

Шёл он быстро.

Промчавшись через пустошь, где спали светлячки, и спугнув зелёные искры, он, точно ветер, достиг границы запретной земли.

И только когда увидел, как свет просачивается сквозь густые ветви и ложится на распростёртого зверька, раздирающая боль в голове начала медленно утихать. Даже злобная аура недобитых душ, вившаяся вокруг него, будто бы тоже рассеялась.

Лишь после этого он заметил, что Сян Син каким-то образом опять успел сюда выбраться.

— Сян Син, назад.

Пойманный на месте преступления Сян Син понуро поплёлся обратно, при этом то и дело украдкой поглядывая на Сяо Бая. У-у... его Сяо Бай и правда такой милый, так хочется обнять, поцеловать, поднять на руки.

Когда Сян Син вернулся на место, Фу Линцзюнь перевёл взгляд на этого незваного гостя, вторгшегося в его мир.

— Глупая собака, — сказал он.

Если «Сяо Бай» Цзян Тан запомнил потому, что здоровяк насильно вбил это слово ему в голову бесконечными повторами, то «глупая собака» он запомнил сам.

Это же имя, которое дал ему красавец!

В последние дни Цзян Тан ел так много, что запас красных плодов стремительно редел. Если хорошенько посчитать, их оставалось всего на несколько дней. Он уже подходил к самой грани голода и отчаяния. И тут красавец, который когда-то даровал ему еду, снова появился и даже тепло позвал его по имени!

Его хвост, пушистый, как облако, тут же закачался в такт бешено радующемуся сердцу.

Ах! Всё-таки небеса к нему ещё благосклонны!

Но после первого порыва восторга Цзян Тан на мгновение замер. Что ему сейчас делать? В прошлый раз он упустил шанс ухватиться за большое бедро, а теперь должен был во что бы то ни стало использовать эту возможность. Если упустить кормильца и сейчас, то очень скоро можно будет переходить на сценарий «голод, холод и смерть».

Нет, надо срочно придумать, как ему понравиться!

Цзян Тан принялся быстро соображать своим умным человеческим мозгом. Во-первых, в прошлый раз он подбежал к красавцу и был отвергнут. Возможно, красавец был не в настроении, а возможно, всё дело в том, что он не проявил должной искренности.

Если поставить себя на место хозяина, как быстрее всего принять питомца? Ну конечно — если питомец послушный и хороший.

Подумав так, Цзян Тан с явным сожалением посмотрел на оставшиеся красные плоды.

Это была его последняя еда. И единственный подарок, который он вообще мог предложить.

Фу Линцзюнь видел, как в чисто-белую душу маленького комочка постепенно вливается тёплый алый цвет. Затем тот взял один плод в зубы и, стуча короткими лапками, подбежал ближе.

В тот миг, когда зверёк мчался к нему, в его душе вспыхивали оранжевые, красные, золотые и розовые переливы — слой за слоем, ослепительно яркие.

Таких цветов Фу Линцзюнь прежде не видел.

Но они были самыми жаркими, самыми искренними — как фейерверк, рассыпающийся над самой душой.

Он не стал его останавливать.

Тот нёсся к нему с добротой и светом, разгоняя ледяной холод, который оставляли после себя цеплявшиеся к нему злобные души. Где-то в глубине сердца медленно расползлось странное покалывание, а затем распространилось по всему телу. Ощущение было до крайности непривычным, но почему-то не вызывало отторжения.

Цзян Тан положил драгоценный красный плод к самому носку сапога Фу Линцзюня, а затем осторожно вытянул короткую переднюю лапку и ткнул в чёрную обувь красавца.

Задрав голову, он уставился на него своими большими круглыми глазами, похожими на виноградины, как бы говоря: вот, ешь, очень вкусно.

А про себя ещё добавил: давай же, скорее принимай мой подарок и становись моим кормильцем.

Когда он был человеком, ему всегда казалось, что домашние питомцы в городе живут прекрасно: едят вкусное, пьют вкусное, носят красивые одёжки, а хозяева играют с ними и заботятся о них. Пока он сам вкалывал офисным рабом, ему не раз приходило в голову, что живёт он хуже какой-нибудь кошки или собаки. И тогда он даже мечтал: вот бы в следующей жизни самому стать питомцем.

И вот следующая жизнь пришла.

И вот он стал животным.

Только вот животному, оказывается, тоже приходится из кожи вон лезть, чтобы понравиться людям. Даже за право спокойно поесть нужно отчаянно бороться. Слишком тяжело. Слишком тяжело.

Фу Линцзюнь не понимал, что именно бормочет зверёк своим «и-у-у-у», но прекрасно видел его эмоции.

Он был взволнован, тороплив, переполнен радостью — будто слишком давно не видел его и теперь изо всех сил показывает, как сучал.

Фу Линцзюнь никогда не думал, что однажды почувствует на себе чью-то тоску по нему — да ещё и со стороны маленького зверька.

Это было странно. Непостижимо. Совершенно нелепо.

Цветок, возвращённый одной лишь злобой, не верит ничему вокруг.

Видя, что Фу Линцзюнь не принимает плод и может вот-вот уйти, Цзян Тан испугался, что его будущий кормилец ускользнёт, и решил: ладно уж, к чёрту достоинство — придётся и повалиться, и поумилиться.

И тогда Фу Линцзюнь увидел, как этот тёплый зверёк принялся тереться о его сапог то с одной, то с другой стороны, размахивая мягким хвостом, жалобно попискивая и без конца кружась вокруг его ноги, как усталая птица, наконец вернувшаяся домой.

Похоже... он и правда ему очень рад.

Но почему?

Ещё мгновение назад, проходя сквозь рой светлячков, Фу Линцзюнь видел, как всё живое с отвращением уступает ему дорогу. А теперь перед ним вдруг появилось существо, которому он нравится и которое само тянется к нему.

Он присел на корточки и впервые протянул руку, чтобы погладить зверька по открытому животу.

Мягкий. Тёплый. Совершенно беззащитный.

Красавец его погладил!

Цзян Тан мгновенно вцепился в удачу обеими лапами и всем телом прижался к руке, а пушистой головой принялся тереться о ладонь Фу Линцзюня. Если бы в этом тельце не жила человеческая душа, он, наверное, уже без стыда начал бы лизать красавцу пальцы.

А-а-а, значит, он уже наполовину преуспел? У него теперь будет постоянный кормилец? И раз здоровяк — слуга красавца, значит, если держаться возле красавца, тот больше не сможет насильно пичкать его едой, да?

От этой мысли Цзян Тан стал тереться ещё старательнее. В глазах у него было одно сплошное счастье.

Рука Фу Линцзюня застыла.

А потом он чуть шевельнул пальцем и с явным злым умыслом ткнул маленькую голову влево. Зверёк размером с ладонь был настолько слаб, что мгновенно опрокинулся и шлёпнулся на землю. Но тут же, перевернувшись, снова поднялся и обошёл с другой стороны, чтобы опять потереться о его руку.

Фу Линцзюнь ткнул его голову в противоположную сторону и снова опрокинул.

После второго падения в душе Цзян Тана уже начал подниматься огонёк ярости.

Это ещё что такое?! Если хочешь поиграть — так играй, но почему тебе так весело смотреть, как он валится? Но едва он вспоминал, что до полного голодного краха осталось совсем недолго, как глубоко вдыхал и снова подползал ближе. На этот раз он даже решил пойти ва-банк и пустить в ход стратегию «поцелуя», собираясь всё-таки лизнуть эту прекрасную руку.

Но красавец и шанса ему не дал. Не успел Цзян Тан даже дотронуться языком до красивых пальцев, как они снова безжалостно ткнули его, опрокидывая раз за разом.

Цзян Тан от злости уже готов был скрипеть зубами!

Да он когда-нибудь наиграется или нет?! Ему вообще не надоест?!

Он просто хочет поесть, вот и всё! Неужели это так сложно? Чтобы добыть еду, он ещё и в эту дурацкую игру с хозяином должен играть? К тому же голова уже побаливала от всех этих тычков. Он ещё и умничал — всё время обходил то слева, то справа, — и в итоге теперь болели обе стороны головы. Лучше бы с самого начала тёрся только с одной стороны.

Но никакие трудности не сломят настоящего добытчика еды! Он ведь выдающийся офисный раб двадцать первого века. Ради капризов заказчика он мог ночами переделывать макеты — так неужели не справится с тем, чтобы развлечь своего нынешнего «заказчика»?

Подумаешь, всего-то раз десять-двадцать его опрокинули! Да он ещё и пятьдесят раз перекатится, и сто раз потрётся о сапог, если понадобится!

А если придётся, он не против предоставить ещё и услугу объятий, и услугу согрева рук. Всё-таки шерсть у него мягкая, густая — прямо товар высшего мехового качества.

— И правда глупая собака, — Фу Линцзюнь легко упёр пальцы в лоб маленького упрямца, который всё пытался подобраться ближе. Уголки его губ приподнялись, а голос смягчился. — Глупая собака.

Сян Син стоял рядом и ужасно хотел сказать, что Сяо Бай вообще-то не собака.

А в следующее мгновение его любимый Сяо Бай уже высунул розовый язычок и ласково потёрся о пальцы хозяина.

Сян Син: «...»

Сяо Бай, ну почему ты превратился в собаку!

Не понимающий всей тяжести оскорбления Цзян Тан и не подозревал, что красавец дал ему имя с минимальным вредом, но максимальным унижением, и по-прежнему старательно оказывал услугу «потришь о хозяина». И тут Фу Линцзюнь вдруг выпрямился, сделал несколько шагов в сторону тьмы и, обернувшись, посмотрел на него.

— Иди сюда, — он поманил рукой.

Умный и сообразительный Цзян Тан, в котором жила человеческая душа, мгновенно уловил потребности будущего кормильца и, радостно помахивая пушистым хвостом, застучал лапками следом. Перед тем как шагнуть во тьму, он на секунду заколебался, но жажда выбиться в люди, получить своё повышение и дойти до вершины жизни пересилила страх, и он всё-таки вступил в эту бесконечную темноту.

Впереди Фу Линцзюнь всё шёл и шёл.

Он был высоким и длинноногим. Один его шаг — и уже далеко. Цзян Тану приходилось нестись со всех коротких лап, чтобы хотя бы не потерять его из виду. Он мчался, тяжело дыша, уже совершенно выдохшись, и с тоской понял: устал как собака.

Хотя, если подумать, сейчас он и сам почти собака.

Со стороны это и правда походило на вечернюю прогулку хозяина с питомцем. Только Цзян Тан был таким «питомцем», которого не надо было выгуливать — он и сам изо всех сил старался поспеть за хозяином.

<http://bllate.org/book/17032/1599350>